

П. В. Рябов
РОССИЙСКОЕ
КАНТИАНСТВО
И НЕОКАНТИАНСТВО
НАЧАЛА XX ВЕКА
В НЕОПУБЛИКОВАННЫХ
МЕМОАРАХ А. А. БОРОВОГО

Неопубликованные мемуары мыслителя-анархиста Алексея Борового (1875–1935) содержат важную информацию о русском кантианстве и неокантианстве. На основе архивных материалов описываются философские кружки, дискуссии и философские биографии.

The unpublished memoirs of the anarchist writer Alexei Borovoi (1875–1935) contain crucial information on Russian Kantianism and Neo-Kantianism. The article describes philosophical societies, discussions and philosophical biographies on the basis of archive records.

Ключевые слова: мемуары, анархизм, марксизм, русское кантианство и неокантианство, философская биография.

Key words: memoirs, anarchism, Marxism, Russian Kantianism and Neo-Kantianism, philosophical biography.

Кантианство и неокантианство в России первой четверти XX века – широкое, многообразное, влиятельное, но до сих пор не вполне исследованное философское направление [1]. Оно далеко вышло за университетские рамки, привело к философскому паломничеству русских в Гейдельберг и Марбург, повлияло на религиозную и общественную мысль, затронув и тех мыслителей, ученых и художников, кто не стал в полном смысле слова (нео)кантианцем.

Одним из них был Алексей Алексеевич Боровой (1875–1935) – юрист, экономист, историк, социолог, философ, крупнейший теоретик российского анархизма, великолепный оратор и музыкант. Боровой был близко знаком со многими ключевыми фигурами российской философской и культурной жизни¹. Среди его знакомых многие имели отношение к неокантианству: композитор А.Н. Скрябин, поэт Андрей Белый (Б.Н. Бугаев), юристы и философы права П.И. Новгородцев, В.А. Савальский, Б.П. Вышеславцев, Д.В. Викторов, Б.А. Кистяковский. Боровой, переживший период бурного увлечения марксизмом в 1896–1902 годах, также был вовлечен в движение «от Маркса к Канту» на грани веков; будучи студентом, а затем приват-доцентом юридического факультета, он наблюдал триумфальное шествие неокантианства в Московском университете 1890–1910-х годов; участвовал в кружках философов, обсуждавших неокантианские идеи; наконец, побывав в 1905 году в Германии в научной командировке, был свидетелем массового приезда в нее российских ученых и философов, жаждавших приобщиться к новой философии. Ценным свидетельством этих (и не только этих) процессов стали монументальные (почти 1900 страниц рукописного текста) воспоминания Борового «Моя жизнь», до сих пор не опубликованные и хранящиеся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ)².

Неокантианцем А.А. Боровой никогда не был, он развивался как мыслитель от марксизма к анархизму и к философии жизни. Неокантианский круг проблем (слишком акцентированный на гносеологию для этого философа-антропоцентриста) и стиль

философствования (казавшийся ему чересчур сциентистским) в целом были ему чужды. Тем не менее Боровой испытал влияние некоторых гносеологических и историософских идей неокантианства и общался со многими российскими неокантианцами, участвовал в дружеских дискуссиях с ними. Анархист был, скорее, компетентным и заинтересованным свидетелем становления неокантианства в России, отстраненным, но осведомленным наблюдателем, нежели активным участником этого процесса.

Видя в философских построениях Канта и немецких неокантианцев (в оптике сразу и Ницше, упрекавшего кантианство в безжизненном морализме и рассудочности, и Бакунина, считавшего немецкую цивилизацию утонченным «научным» прикрытием для насилия над человеческой лич-

¹ Из последних работ об Алексее Боровом [4; 6–12].

² Подробно о мемуарах Борового см.: [6, с. 126–136]. Отдельные главы и отрывки из них см.: [1, с. 7–85; 2, с. 137–152].

ностью) проявление недолюбимой им «немецкой души», Боровой считал, что в неокантианстве «рационально» обосновываются «внутренний жандарм» и палочная дисциплина. Размышляя о присущей немцам, по его убеждению, «машинности» (то есть внутренней несвободе и регламентации), анархист вновь вспоминает кантианство: «Но... в немце как в типе человека, даже не зараженном кантианством, не задумывавшемся над антиномиями «разума», чувствовался разрыв между добросовестнейшей, глубочайшей дискурсивной, которую ничто не могло остановить... и таинственным природным "жандармом в груди", умевшим своевременно обкарнить дерзание... он [немец] нес всегда "нравственный закон" внутри себя...» [5, д. 167, с. 149–150]. Неудивительно, что Алексей Боровой, ставший в 1914 году «оборонцем», в хоре антинемецких голосов русских философов особо выделил выступление В. Ф. Эрна, прямо выводящего злодеяния кайзеровского милитаризма из философии И. Канта [5, д. 171, с. 107–109].

При всем критическом отношении Борового к неокантианству, он испытал его влияние во время мировоззренческого кризиса 1902–1903 годов, когда отошел от марксистского «объективизма», «религии прогресса», и «экономического детерминизма», углубленно начал анализировать гносеологическую проблематику, используя многие мыслительные ходы и понятия «критической философии» и активно обсуждая соответствующие вопросы со своими товарищами — философами и юристами, почти сплошь увлеченными неокантианством. Говоря о своем разочаровании в марксизме в 1901–1903 годах, он отмечает, что на этот процесс отчасти повлиял «дрейф» в сторону Канта многих ведущих российских и зарубежных марксистов: П. Б. Струве, Э. Бернштейна и др. [5, д. 167, с. 19–21]. Да и первое знакомство с философскими работами в 1894–1898 годах — в период учебы на юридическом факультете Московского университета, Боровой начинал с учебных курсов, написанных кантианцами — крупнейшими исследователями истории философии: «На студенческой скамье я начал читать и кое-что штудировать из учебников и монографий — Ибервег-Гейнце, Виндельбанда, Гёффдинга, Паульсена, Куно Фишера» [5, д. 170, с. 7].

Пытаясь в воспоминаниях (написанных в 1928–1935 годах в ссылке) осмыслить истоки своей эволюции от марксизма к бергсонизму, Алексей Алексеевич констатировал: «В перечне философско-литературных "влиятельных" должен иметь место, наконец, и начинавший тогда "гремять" Риккерт. Университетские товарищи поголовно становились тогда риккертIANцами, не замечая тупика, в который учитель вел своих учеников. Скепсис Риккерта по адресу "идиографических" наук, питаемый логической передержкой, не проанализированный, как следует, и соблазнительный "новизной", тоже пробил какую-то брешь в моем марксизме. Слишком легко поверив Риккерт, я стал сомневаться в возможности объективных истин в исследовании исторических процессов. Мое "риккертIANство" отразилось в одной из моих ранних книжек — "Революционное миросозерцание", где я, вопреки логике, соединял скептический идеализм с проповедью революционной практики» [5, д. 167, с. 24].

Обратимся к свидетельствам Алексея Борового о путях проникновения «критической философии» в русскую мысль. Говоря о своем рано умершем друге по университету, юристе П. С. Климентове, Боровой так описывает их общение в 1900–1901 годах: «Раза два в неделю после напряженной дневной работы мы вдвоем предпринимали долгие прогулки, неизменно кончавшиеся любимейшим рестораном московской интеллигенции — "Прагой" (на Арбатской площади). <...> Сидели до самого закрытия ресторана и говорили неизменно на высокие темы. Простое, будничное как-то не могло иметь места в общении с Петром. Мы... спорили... о "неокантианстве" А. Ланге и т. д. Брезжило утро, мы шли пешком по бульварам на Петровку, засиживались подолгу на скамьях, наслаждаясь утренней свежестью и вслух мечтая о будущей деятельности, о планах будущих работ. Никогда до этой дружбы я не жил в атмосфере таких высоких умственных интересов» [5, д. 165, с. 96]. Молодые московские неокантианцы собирались на вечерах у П. С. Климентова в эти годы: «На вечеринках у Петра бывали: магистранты по кафедре философии права В. А. Савальский и Б. П. Вышеславцев, будущие профессора Варшавского и Московского университетов, пом[ощник] присяжного поверенного К. К. Нотгарт, В. М. Фриче, П. С. Коган, популярнейший московский журналист Владимир Евграфович Ермилов, Иван Алексеевич Белоусов, В. А. Гиляровский и др. За ужинами затевались дискуссии. Темы — диалектический материализм, бернштейнианство, неокантианство, символизм, "художественники" и проч.» [5, д. 165, с. 98].

Многих участников этих вечеров Боровой вновь встретил в начале 1905 года во время командировки в Германию. О Гейдельберге анархист вспоминает: «Я повидался с Богданом Александровичем Кистяковским, приготовившим в семинарии Еллинека небольшое, но изящное методологическое исследование... сделавшее ему имя и в Германии; погулял по городу с моим приятелем — Василием Александровичем Савальским, слушавшим Куно Фишера; навестил Викторова — молодого, очень способного "философа", ученика Грота, позже написавшего работу по "эмпириокритицизму", но рано оборвавшего свою жизнь самоубийством...» [5, д. 167, с. 101]. В Берлине Боровой встретил многих русских философов и ученых [5, д. 167, с. 139].

Вновь неокантианцев встретил Боровой уже в Москве — на религиозно-философских собраниях в доме меценатки М. К. Морозовой, чьим учителем философии был его знакомый Б. П. Вышеславцев [5, д.

168, с. 109]: «"Религиозно-философские" собрания на моей памяти посещали: Е.Н. Трубецкой, Л.М. Лопатин, Андрей Белый, Г.Г. Шпет, А.И. Бачинский, Б.А. Фохт, А.К. Топорков, Викторов (философ), И.А. Ильин, Б.П. Вышеславцев, В.М. Хвостов. ...Один вечер страстно спорили о Марбургской школе» [5, д. 168, с. 110].

Ближайшим товарищем анархиста из числа неокантианцев был В.А. Савальский. А.А. Боровой в своих мемуарах дает яркий портрет Савальского, лаконично соединив описание и анализ: «Василий Александрович Савальский, безвременно умерший в звании профессора философии права Варшавского университета, как характер был на редкость оригинальным человеком. <...>

Савальский был "божьей милостью" философом, отнюдь не в академическом смысле. Он прошел традиционную школу и был оставлен при университете проф. Новгородцевым за сочинение о Спинозе. Потом он стал угарным кантианцем — о Канте мог говорить с утра до ночи. Мы с Климентовым жестоко дискутировали с ним во имя "экономического материализма". Последующими, значительно слабейшими его симпатиями были неокантианцы — Виндельбанд, Владимир Соловьёв. Последней, но пламенной его любовью была Марбургская школа и особенно глава ее — Г. Коген. Этой школе он посвятил свою диссертацию. С непривычной в университетских кругах смелостью, с искренностью и жаром человека, нашедшего истину, он обрушился в ней на московских кантианцев, в том числе и на своего "учителя" — Новгородцева. Диссертация была пропущена, но "карьера" Савальского испорчена. Последователь "марбургского Канта" на Москву более рассчитывать не мог. Он и Новгородцев обменялись полемическими статьями — Савальский солидно и с достоинством, Новгородцев, задетый в философском генеральстве, без всякого достоинства... и Савальский поехал философствовать в Варшаву. Но здесь его работа продолжалась недолго. В самом начале мировой войны он умер от рака. Смерть его ужасно потрясла его друзей. <...>

Савальский был тяжелодум. Он не сверкал фейерверками мыслей. Реплики собеседников давали ему немалую работу. Он гмыкал, размышлял, заключать не торопился, никогда не позволял обхода темы, фальсификации вопроса. Эвристических рецептов Шопенгауэра не признавал и в шутку. Ко всему подходил по существу и каждый вопрос решал по своему *a'fond*. Его окончательные приговоры были всегда оригинальны, глубоки, изящны. Он в полной мере обладал искусством тонкой, исчерпывающей формулировки. И главное, был не только философ, но поэт. Философская проблема была для него лирической поэмой. И только когда он осваивал до конца ее — тональность, ее ритм, он, точно порывом вдохновения, высказывал свое *credo* в безупречно-точной форме. Он был влюблен в «гений» философии, и его чувствительность была огромна. Кладбище, базар, качели, проститутка — они мгновенно заряжали его мозг, и самые стертые привычные явления вырастали вдруг в проблемы, которые он тут же важно, почти торжественно пытался разрешать. По части тем напоминал он Зиммеля, превосходившего его талантом и еще более творческой производительностью. Очень хорошо и метко определил его способность философствования — везде, всегда и по каждому предмету — один из его друзей, назвав его Сократом. В Савальском, действительно, было нечто от греческого философа, не нуждавшегося ни в магистерских экзаменах, ни в диссертациях, чтобы стать философом» [5, д. 167, с. 140–146].

Дружил Алексей Боровой с еще одним неокантианцем из Московского университета — философом и юристом Б.А. Кистяковским, которого он выделял из ряда резко ему антипатичных университетских кадетов, ценя в нем благородство, отзывчивость, искренность, ум и трудолюбие, по его мнению, даже чрезмерное в этом «богатые», «иссушавшем» себя наукой. А Богдан Александрович тепло относился к Боровому и пытался помочь ему в ситуации, когда кадетская профессура в 1910 году сорвала защиту диссертации анархиста.

В мемуарах Боровой так характеризует Кистяковского-мыслителя: «Богдан Александрович Кистяковский был уже немолодым приват-доцентом и пользовался выдающейся научной репутацией, хотя был малопродуктивен. Но то, что он сделал, было сделано мастером, обнаруживало в нем не только огромную эрудицию в области философии и публичного права — но и незаурядную силу аналитика. Уже его ранняя работа, сделанная в семинарии Еллинека, "Gesellschaft und Einzelwesen", оставшаяся, за исключением отрывков, непереведенной на русский язык, создала ему имя в ученом мире. Все его последующие выступления были всегда продуманы, солидны, авторитетны. Наряду с Петражицким, Новгородцевым он считается наиболее выдающимся "философом права".

Он занимал видное место в рядах "идеалистов", писал одну из основополагающих статей в "Вехах", и хотя не состоял официально в партии "кадетов", но считался близким ее правому флангу.

В эту пору³ я мало знал Богдана Александровича. Я сошелся близко с ним в годы эмиграции, когда в течение нескольких месяцев мы работали с ним рядом в Национальной библиотеке, а потом совершали долгие совместные прогулки по Парижу.

В эти же годы Кистяковский, хотя и относился ко мне вполне корректно, но, разумеется, не мог сочувствовать моим позициям. «Ваше "Революционное мирозерцание"⁴, — сказал он мне однажды, —

---

³ Речь идёт о 1906–1910 годах.

ведет вас в нигилистический тупик». Ему очень импонировало мое ораторское искусство, и он, на редкость косноязычный, говорил, что "мучительно завидует мне". <...>

Скоро я потерял его из виду. Он уехал на родину — Украину. Октябрьская революция его потрясла. Ужасы украинского существования выгнали его в Москву. Один вечер он просидел у меня и произвел впечатление потерявшего себя человека. Вскоре он вновь уехал на Украину, где оставалась его семья, и там скоропостижно скончался при обстоятельствах мне неизвестных» [5, д. 168, с. 279—281].

Мемуарист не мог «пройти мимо» фигуры профессора П.И. Новгородцева. Этого кадета и мыслителя Алексей Боровой откровенно не любил, но отдавал должное его способностям: «Его популярность сложилась еще в его молодые годы, когда он приехал из заграницы с диссертацией об "Исторической школе юристов" и начал впервые разбрасывать семена "естественного права". Молодежь встретила его восторженно. Но и зрелые аудитории пленяли его интересная, строгая внешность, холодная, но красивая речь, "новые слова". Он сразу стал одним из оплотов реакции против дерзкого и поверхностного «экономического материализма» и был приобщен к сонму славных борцов за идеализм — братьев Трубецких, Лопатина и Грота. Старик Троицкий, уже ранее взорванный блестящими филопамфлетами В. Соловьёва, должен был со своей эмпирией и англичанами уступить место неокантианцам. <...>

Я был тогда в рядах молодежи, только что кончившей университет, и Маркс contra Кант, или наоборот, был излюбленной и бурной темой наших сходбищ. (Климентов, Савальский, способный, но рано умерший Морковников, горячо приспособивший марксизм к кантианству). <...>

В пореволюционную эпоху Новгородцев был уже настоящим генералом. Он был умен и тонок, но не умел отделаться от позы. Он мог быть величественным, благосклонным и карающим, но ему не было дано быть простым товарищем. <...>

Научным работником он был незаурядным и дал ряд прекрасных — в смысле методологического изящества и широты эрудиции — правно-философских исследований. "Кризис современного правосознания" принадлежит, бесспорно, к числу значительнейших произведений русской "публицистической" литературы. Оно и на Западе не прошло бы незамеченным» [5, д. 168, с. 259—261].

Этим пристрастным, но ярким портретом можно завершить обзор материалов о российском (нео)кантианстве, содержащихся в мемуарах А.А. Борового. Разрозненные, но ценные своей искренностью свидетельства позволяют лучше понять масштабы и формы кантианского движения в России в начале XX века, ощутить его атмосферу, оценить обсуждаемые в нем философские и научные проблемы, представить себе его ключевых фигур и менее известных деятелей «второго ряда». Не случайно в эти годы Лев Шестов констатировал: «Неокантианство, как известно, является преобладающим направлением в современной философии» [13]. Жаркие дискуссии среди русских неокантианцев и высказанные в ходе них мысли, отразившиеся как в диссертациях и статьях, так и в стихотворениях, картинах, романах и симфониях (вспомним Б. Пастернака, Андрея Белого и А. Скрябина), стали важной частью российской философской культуры первых двух десятилетий XX века.

Список литературы

1. Боровой А. Париж был и остается замечательнейшим фактом моей биографии (Публикация С.В. Шумихина) // Диаспора: новые материалы. СПб., 2004. Т. 6.
2. Его же. Моя жизнь. Воспоминания. Гл. 7: Как я стал анархистом. (Подготовка текста и примечания П.В. Рябова) // Человек. 2010. № 3.
3. Дмитриева Н.А. Русское неокантианство: «Марбург» в России: ист.-филос. очерки. М., 2007.
4. Кривенький В. Боровой Алексей Алексеевич // Политические партии России: Конец XIX — первая треть XX века: энцикл. М., 1996.
5. РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1.
6. Рябов П.В. «Былое и Думь» Алексея Борового // Человек. 2010. № 3.
7. Его же. Алексей Алексеевич Боровой и его книга «Анархизм» // Боровой А.А. Анархизм. М., 2009.
8. Его же. Анархическая философия Алексея Борового (из истории русского бергсонизма) // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Вып. 6. Калининград, 2010.
9. Его же. Философия классического анархизма (проблема личности). М., 2007.
10. Его же. Философия постклассического российского анархизма — terra incognita для историко-философских исследований (к постановке проблемы) // Преподаватель. XXI век. М., 2009. № 3.
11. Его же. Хорошо забытое старое: обзор архивного фонда А.А. Борового в РГАЛИ // Культурология: дайджест. М., 2009. № 1 (48).
12. Талеров П.И. О жизни и творчестве Алексея Борового — анархиста-гуманиста // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2008. № 3.
13. Шестов Л. Великие кануны. М., 2007.

---

⁴ Одна из первых книг Борового (1907 г.), вызвавшая особое недовольство кадетов и приведшая к уголовному преследованию анархиста со стороны властей, в которой он подробно обосновал анархическую этику, противопоставив её оппортунистической «реальной политике» либералов.

Об авторе

Рябов Петр Владимирович, канд. филос. наук, доц. кафедры философии Московского педагогического государственного университета, structura_mpgu@mail.ru.

About the Author

Dr. *Piotr Ryabov*, Associate Professor, Department of Philosophy, Moscow State Pedagogical University, structura_mpgu@mail.ru.